

02

Влияние ионного облучения на электронный транспорт в тонких пленках YBCO

© А.В. Антонов¹, Д.В. Мастеров¹, А.Н. Михайлов², С.В. Морозов¹, С.А. Павлов¹, А.Е. Парафин¹,
Д.И. Тетельбаум¹, С.С. Уставщиков^{1,2}, П.А. Юнин^{1,2}, Д.А. Савинов^{1,2,¶}

¹ Институт физики микроструктур РАН,
Нижний Новгород, Россия

² Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

¶ E-mail: savinovda@ipmras.ru

Поступила в Редакцию 29 апреля 2022 г.

В окончательной редакции 29 апреля 2022 г.

Принята к публикации 12 мая 2022 г.

Экспериментально исследовано влияние беспорядка на сверхпроводящие свойства тонкопленочных наноструктур YBCO во внешних магнитных полях. Беспорядок создавался с помощью облучения ионами ксенона. Исследования включали в себя транспортные измерения узких мостиков на основе ВТСП-пленок YBCO (толщина 50 nm) в сильных магнитных полях (до 12 Т). Таким образом, для образцов с разной степенью неупорядоченности исследованы критические зависимости — линия фазового перехода $H_{c2}(T)$, линия необратимости $H_{irr}(T)$ и др. Экспериментально изучены зависимости средней длины свободного пробега и критической температуры от концентрации дефектов, созданных ионным облучением. Обнаруженные в измерениях данные описаны с помощью формул, полученных в рамках известных моделей, таких как теория Гинзбурга–Ландау, теория Друде и уравнения Горькова.

Ключевые слова: ВТСП, тонкие пленки, ионное облучение, дефекты, резистивные измерения, верхнее критическое поле, линия необратимости, вихри.

DOI: 10.21883/FTT.2022.09.52800.01NN

1. Введение

В последнее десятилетие наблюдается яркий всплеск в исследованиях сверхпроводников с необычным типом спаривания (в частности, высокотемпературных сверхпроводников [ВТСП]) с разной степенью неупорядоченности (см., например, работы [1–6]). Интерес к ним обусловлен рядом причин. В частности, для высоких степеней беспорядка, когда образец находится вблизи перехода „сверхпроводник–нормальный металл“ (или „сверхпроводник–изолятор“), возможна смена типа сверхпроводящего спаривания [2,3,6], а также возникновение необычной температурной зависимости верхнего критического поля $H_{c2}(T)$ — она оказывается монотонно возрастающей, что приводит к возможности стимулирования сверхпроводимости с помощью приложения внешнего магнитного поля H [4], тогда как обычно внешнее магнитное поле всегда подавляет критическую температуру T_c [7]. Весьма интригующим экспериментальным результатом, обнаруженным для несверхпроводящего состояния пленок YBCO, содержащих решетку нано-отверстий, является возможность протекания электрического тока, элементарным носителем которого являются куперовские пары, а не отдельные электроны, как это обычно происходит в нормальном состоянии обычных сверхпроводников [1]. Для низких степеней беспорядка в ВТСП также возможно наблюдение достаточно необычных эффектов, которые могут быть

интересны как с теоретической, так и с прикладной точек зрения. Так, например, в таких системах возможны аномальные особенности фазовых диаграмм на плоскости внешнее магнитное поле H — температура T [5,6]. А именно, наблюдалось необычное уменьшение наклона верхнего критического поля вблизи $T_{c0} = T_c(H = 0)$, тогда как обычно рост концентрации дефектов приводит к увеличению локального наклона линии фазового перехода $H_{c2}(T)$. Также было обнаружено, что температурная зависимость верхнего критического поля обладает положительной кривизной вблизи T_{c0} . В ряде случаев неупорядоченность в образцах ВТСП создается с помощью радиационного воздействия или облучения (см., например, работы [5,6,8–18]). Интересно, что при умеренных дозах облучения радиационное воздействие может быть использовано в целях повышения критических параметров ВТСП структур [17]. В частности, облучение может приводить к увеличению критической температуры в ВТСП (см., например, [7,14]), а также открыть возможность создания наноструктур с увеличенным критическим током (см., например, [18]). Подбирая параметры ионов как источников радиационного повреждения можно создать решетку узких квазицилиндрических дефектных областей в пленках, приводящих к усилению пиннинга, а, следовательно, к большим значениям критической плотности тока j_c по сравнению с необлученными образцами. Таким образом, контролируемое введение дефектов в ВТСП-образцах

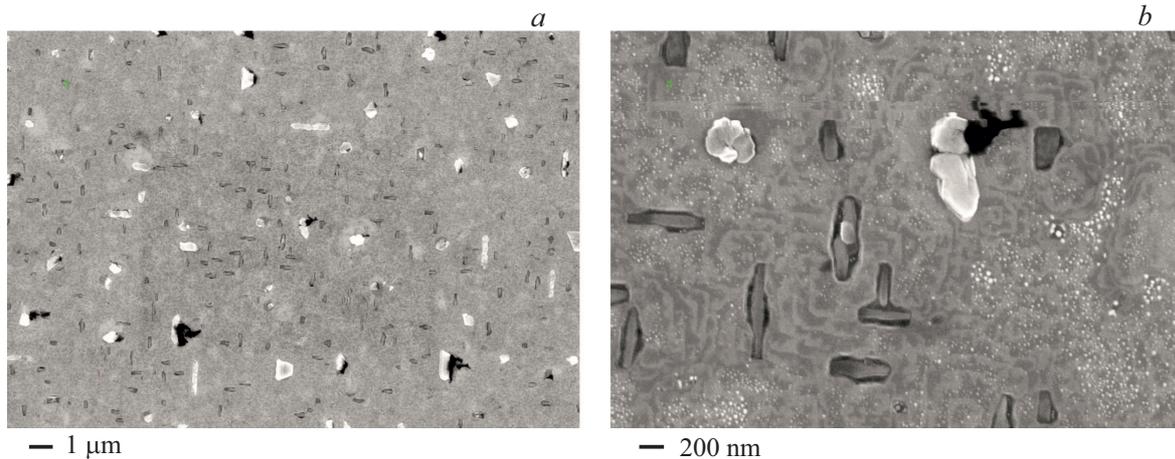

Рис. 1. Изображение исследуемой пленки YBCO, полученное в сканирующем электронном микроскопе (СЭМ).

(в том числе, за счет радиационного воздействия) может быть использовано для создания сверхпроводящих структур с высокими критическими параметрами и новыми необычными свойствами. В настоящей работе мы провели исследование, необходимое для достижения данной фундаментальной цели. Для образцов на основе YBCO с разной степенью неупорядоченности исследованы критические зависимости — линия фазового перехода $H_{c2}(T)$, линия необратимости $H_{irr}(T)$ и др., а также изучены особенности вихревого состояния облученных образцов, которые крайне актуальны, поскольку именно вихри определяют термодинамические и транспортные характеристики сверхпроводников.

Хорошо известно, что внешнее магнитное поле H может проникать в сверхпроводники Прюда в виде вихрей [19]. В идеализированном случае массивного сверхпроводника без дефектов, решетка вихрей строго упорядочена и имеет гексагональную симметрию. Период решетки зависит от величины H . При превышении поля H критического значения H_{c2} плотность вихрей становится настолько большой, что период решетки оказывается порядка размера вихря. Вихри соприкасаются своими нормальными сердцевинами, и происходит фазовый переход второго рода в нормальное состояние. Критическое значение H_{c2} , называемое вторым критическим полем, зависит от температуры. Вблизи критической температуры T_{c0} , данная зависимость линейна

$$H_{c2} = \Phi_0(1 - T/T_{c0})/2\pi\xi_0^2, \quad (1)$$

где Φ_0 — квант магнитного потока, ξ_0 — сверхпроводящая длина когерентности при $T = 0$. Зависимость $H_{c2}(T)$ определяет линию фазового перехода в нормальное состояние массивного сверхпроводника без дефектов. Реальные же образцы имеют конечные размеры, поэтому нормальное состояние в сверхпроводнике достигается при большем значении внешнего поля, связанного с образованием зародышей вблизи границ. Более того, реальные образцы всегда неоднородны. Так, при

увеличении поля H , дефекты могут приводить к конкуренции между различными видами зарождения сверхпроводимости. В результате, линия фазового перехода оказывается нелинейной вблизи T_{c0} (см., например, [5]). Поскольку в реальном эксперименте сверхпроводящий переход имеет конечную ширину, которая возрастает с увеличением H , возникает вопрос о выборе уровня $R = \text{const}$, для которого следует определять ту или иную линию фазового перехода. Очевидно, этот уровень может зависеть от степени беспорядка. В настоящей работе мы провели экспериментальное исследование данного вопроса применительно к тонким пленкам ВТСП YBCO, облученным разными дозами ионов ксенона. Таким образом, в работе найдены: (а) — средняя длина свободного пробега и критическая температуры T_{c0} для разных доз облучения, (б) температурные зависимости критических магнитных полей для разных доз облучения и (в) критерий $R = \text{const}$ для определения границы вихревого состояния облученных образцов. Обнаруженные в измерениях данные описаны с помощью формул, полученных в рамках известных моделей, таких как теория Гинзбурга–Ландау, теория Друде и уравнения Горькова.

2. Изготовление образцов и детали эксперимента

В работе исследовались узкие мостики, сформированные на основе тонкой эпитаксиальной пленки YBCO (толщина 50 nm), выращенной методом магнетронного распыления на подложке из алюмината лантана LaAlO_3 . На рис. 1 демонстрируется изображение поверхности пленки YBCO, полученное в сканирующем электронном микроскопе (СЭМ). На рис. 2 представлено оптическое изображение мостика, который мы изучали. Мостики были получены с помощью метода ионного облучения через маску из фоторезиста, которая затем удалялась в ацетоне. Реализация данного метода происходила

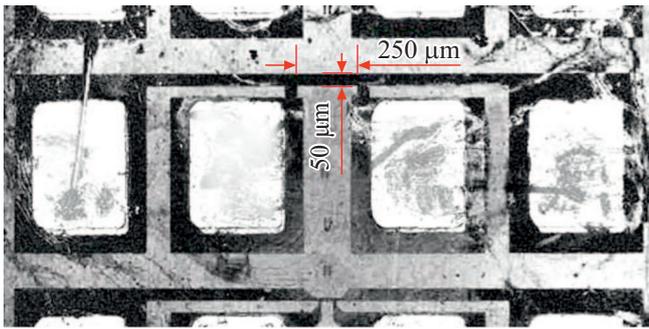

Рис. 2. Изображение исследуемого мостика, полученное в оптическом микроскопе.

подобно тому, как это было выполнено ранее в работе [20], в которой также представлены результаты структурных исследований аналогичных пленок YBCO. Исходные мостики обладали следующими геометрическими размерами: ширина $50 \mu\text{m}$, длина $250 \mu\text{m}$. Контактные площадки были изготовлены методом термического напыления серебра через металлическую маску. Толщина слоя серебра равнялась 100 nm . Критическая температура $T_{c0} = 89 \text{ K}$, критическая плотность тока $j_c = 4 \cdot 10^6 \text{ A/cm}^2$ при $T = 77 \text{ K}$. Удельное сопротивление каждого из мостиков при температуре $T = 100 \text{ K}$ составило величину $100 \mu\Omega\text{cm}$, что соответствует оптимуму кислородного допирования пленки, т.е. значению $x = 0.1$ в пленке $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$. Стоит заметить, что пленка несовершенна и содержит множество структурных дефектов с характерными размерами от нескольких nm до сотен nm (см. рис. 1). Наиболее крупномасштабные из них обычно называют преципитатами (см. светлые и темные вкрапления). Однако, среднее расстояние между ними существенно превосходит их характерный размер, и сверхпроводящий переход в нулевом магнитном поле оказывается достаточно узким — порядка 1 K. Это означает, что с точки зрения теоретических представлений, образец можно приближенно рассматривать как однородный с заданной критической температурной T_c , но с некоторой пространственной модуляцией длины когерентности. Именно такая модель сверхпроводника легла в основу теоретического описания температурных зависимостей критических магнитных полей, которые будут обсуждаться далее.

В процессе исследования, мостики подвергались облучению ионами Xe^{2+} с энергией 150 keV и разной дозой. Максимальная накопленная доза n_D составила $7.3 \cdot 10^{12} \text{ cm}^{-2}$. Облучение проводилось при комнатной температуре.

Сопротивление образца измерялось стандартным четырехзондовым методом. Транспортный ток составлял $10 \mu\text{A}$. Резистивные измерения проводились при развертке магнитного поля до 12 T в интервале температур от гелиевых значений до 100 K. Для создания магнитного поля использовалась криогенная система

замкнутого цикла из двух криостатов, в одном из которых находился сверхпроводящий соленоид с отверстием диаметром 52 mm (Oxford Cryofree SC magnet), и в это отверстие вставлялся второй криостат (Oxford Optistat PT) с регулируемой температурой (от 1.6 K и выше), где располагался исследуемый образец. Температура T определялась по специальному калиброванному термометру с разрешением 50 mK . Магнитное поле H определялось с разрешением 12 G.

3. Результаты экспериментов

В работе экспериментально изучены зависимости нормального сопротивления образца $R_N = R(100 \text{ K})$ и критической температуры T_{c0} от концентрации дефектов, созданных ионным облучением. Используя теорию Друде, а также уравнения Горькова, измеренные данные позволили изучить зависимость средней длины свободного пробега ℓ от дозы ионного облучения n_D . Так, в широком диапазоне значений n_D вплоть до $5 \cdot 10^{12} \text{ cm}^{-2}$ зависимости $R_N(n_D)$ и $T_{c0}(n_D)$ оказываются квазилинейными (см. рис. 3). Это позволяет сделать аппроксимацию экспериментальных данных $T_{c0}(n_D)$ упрощенным выражением для критической температуры

$$T_{c0} \cong T_{c0}^{(virg)} - \pi \hbar / 8 k_B \tau, \quad (2)$$

где $T_{c0}^{(virg)}$ — критическая температура образца без облучения, τ — среднее время свободного пробега электронов. Оценивая скорость Ферми $v_F \cong 5 \cdot 10^5 \text{ m/s}$ (см., например, [5]), получаем среднюю длину свободного пробега $\ell \cong 50 \text{ nm}$ для $n_D = 5 \cdot 10^{12} \text{ cm}^{-2}$. Очевидно, что это завышенная оценка на ℓ , поскольку $T_{c0}^{(virg)} = T_{c0}(\tau \rightarrow \infty)$, что превосходит значе-

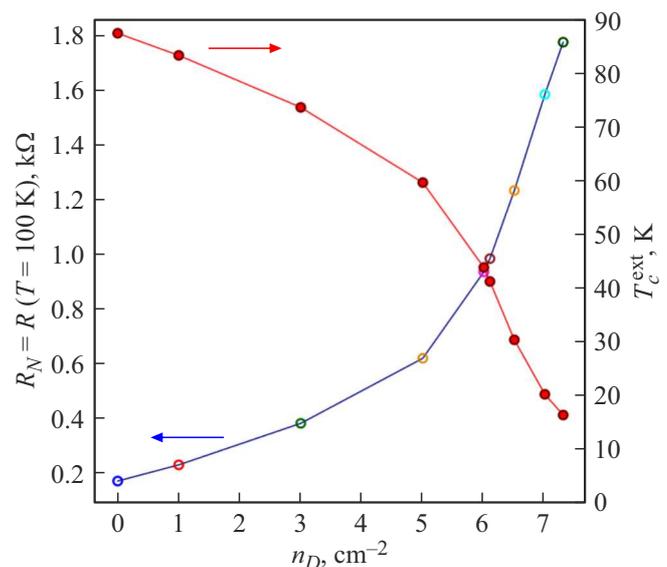
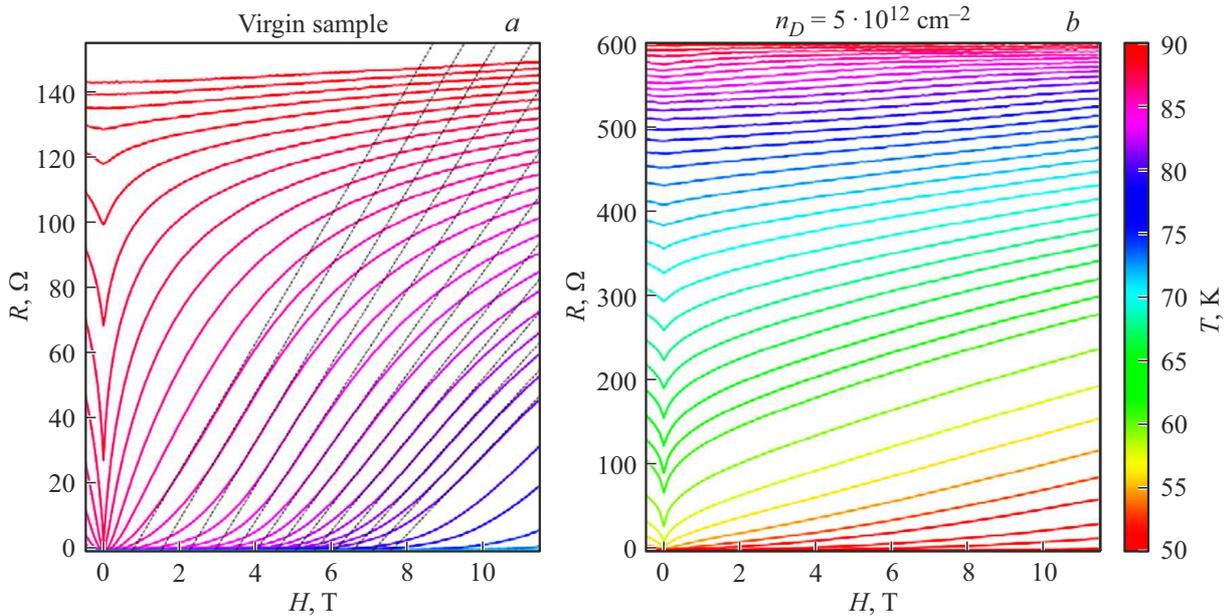

Рис. 3. Зависимости нормального сопротивления образца $R_N = R(100 \text{ K})$ и критической температуры T_{c0} от дозы облучения n_D .

Рис. 4. Зависимости зависимостей $R(H)$ для разных температур (шкала представлена справа) для исходного образца (a) ($n_D = 0$) и для облученного (b) ($n_D = 5 \cdot 10^{12} \text{ cm}^{-2}$).

ние для критической температуры исходного образца ($T_{c0} = 89 \text{ K}$, см. раздел 2). Альтернативно, модель Друде дает следующее выражение для τ :

$$\tau \cong \frac{m}{e^2 n \rho_{100}}, \quad (3)$$

где ρ_{100} — удельное сопротивление, соответствующее $R_N = R(100 \text{ K})$, $n \cong 2 \cdot 10^{21} \text{ cm}^{-3}$ — концентрация носителей (см., данные для $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$ в работе [21]). Так, для $n_D = 5 \cdot 10^{12} \text{ cm}^{-2}$ находим: $\ell \cong 5 \text{ nm}$. Однако данная оценка является заниженной в виду того, что реальное остаточное сопротивление ниже, чем ρ_{100} , которое было использовано в формуле (3). Таким образом, мы находим предельные границы для средней длины свободного пробега для каждой из рассмотренных доз. В частности, для максимального значения $n_D = 7.3 \cdot 10^{12}$ мы получили, что ℓ оказывается порядка нескольких нанометров, а, следовательно, образец справедливо рассматривать в рамках чистого предела, когда ℓ превосходит ξ_0 , которая составляет 1.5 nm в данном материале. Это означает, что после каждого акта ионного облучения средняя длина когерентности в образце оставалась неизменной

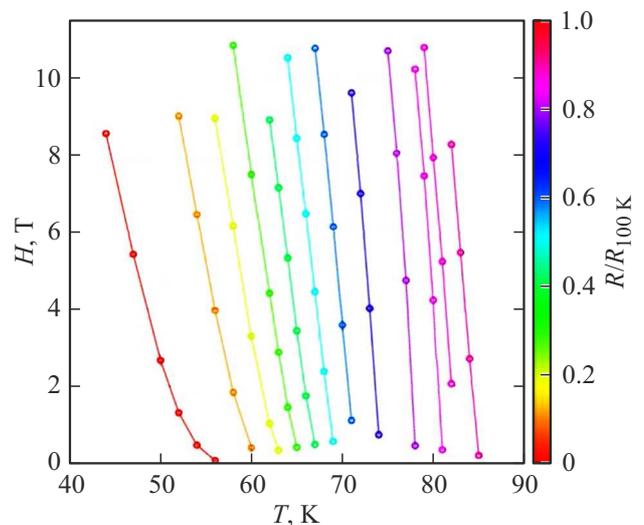
$$\xi_0(n_D) = \text{inv}. \quad (4)$$

Обнаруженная при $n_D > 5 \cdot 10^{12} \text{ cm}^{-2}$ нелинейность зависимостей $R_N(n_D)$ и $T_{c0}(n_D)$ может быть связана с перекрытием дефектных кластеров, возникающих при облучении (см. рис. 3), поскольку при таких дозах латеральные размеры отдельных кластеров L_c оказываются сравнимыми с характерным расстоянием между ними ΔL_c . Действительно, $L_c \sim 10 \text{ nm}$ (см. расчеты в SRIM [22] для Xe^{2+} с выбранными параметрами, указан-

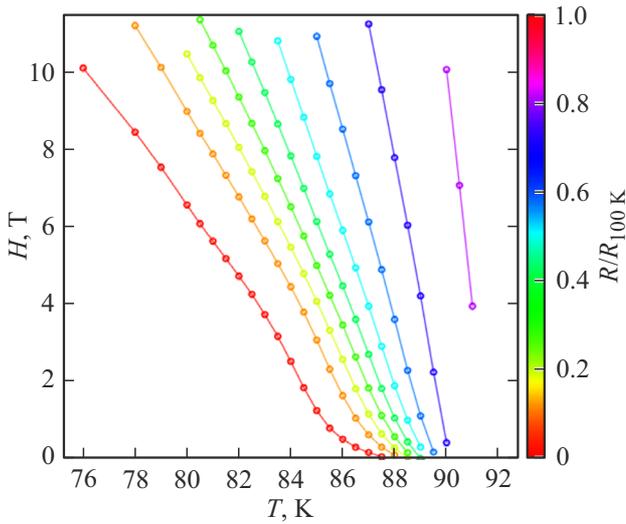
ными в разделе 2 данной работы), а характерное расстояние $\Delta L_c \propto n_D^{-1/2}$. В частности, уже для $n_D = 10^{12} \text{ cm}^{-2}$:

$$\Delta L_c \cong 10 \text{ nm}.$$

Далее мы представляем результаты транспортных измерений исследуемых образцов во внешних магнитных полях. Резистивные измерения проводились при развертке магнитного поля до 12 T в интервале температур от гелиевых значений до 100 K . Ориентация магнитного поля была выбрана в направлении оси c пленки.

Рис. 5. Зависимости $H(T)$ для $n_D = 5 \cdot 10^{12} \text{ cm}^{-2}$ и разных уровней постоянного сопротивления $R = \text{const}$ в долях $R_N = R(100 \text{ K})$.

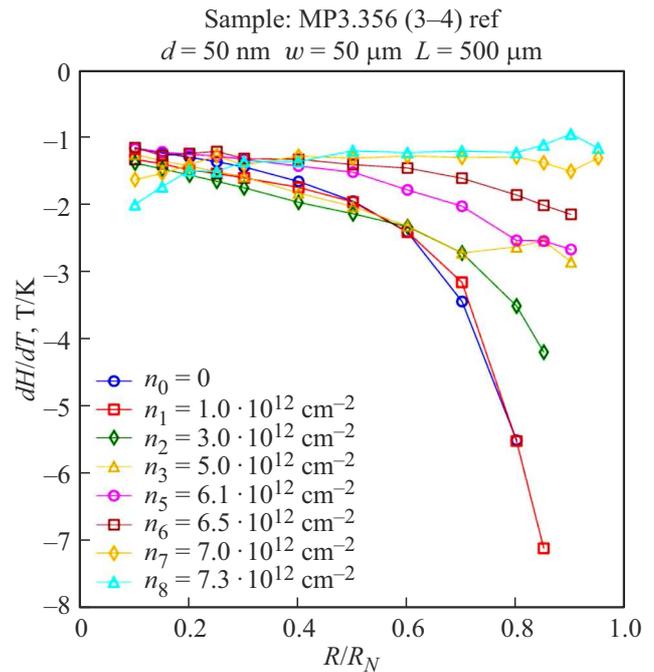
Рис. 6. Зависимости $H(T)$ для необлученного образца ($n_D = 0$) и разных уровней постоянного сопротивления $R = \text{const}$ в долях $R_N = R(100 \text{ K})$.

Таким образом, для заданной температуры T снимаются зависимости $R(H)$. Выбирая значение $R = \text{const}$, получаем серию точек на плоскости внешнее магнитное поле — температура, которая представляет собой зависимость $H(T)$. Согласно предсказаниям работы [23], для высоких уровней $R \rightarrow R_N$ мы ожидали возникновение нелинейных искажений на зависимостях $H(T)$ вблизи T_{c0} при постепенном увеличении дозы ионного облучения n_D . Описание этих линий для разных уровней было произведено в рамках модифицированной теории Гинзбурга–Ландау подобно тому, как это было описано в [5]. Оказалось, что искажения наиболее явно проявляются при $R \rightarrow 0$, когда линия $H(T)$ соответствует линии необратимости $H_{irr}(T)$, связанной с входом/выходом вихрей. Для высоких же уровней ожидаемый эффект оказался слабо выраженным. Тем не менее, для таких сопротивлений мы обнаружили некоторые другие необычные особенности на линиях $H(T)$. Выяснилось, что для облученного образца зависимости $R(H)$ становятся квазилинейными, причем квазипараллельными для разных температур (см. рис. 4). Это приводит к тому, что для разных R — линии $H(T)$ почти не меняют своего наклона, как видно на рис. 5, что существенно отличается от случая, когда образец не подвергался облучению (см. рис. 6).

4. Обсуждение

Для каждой температуры T , переход $R(H)$ можно условно разделить на две области — область низких сопротивлений, когда в образец входят вихри, которые участвуют в диссипации при протекании транспортного тока и область высоких сопротивлений, когда образец находится преимущественно в нормальном состоянии,

и лишь локальные области могут участвовать в бездиссипативном протекании тока. Граница $R = \text{const}$ между этими областями определяет поле H_{c2} при данной температуре T . Данная граница может изменяться при облучении образца. Поэтому необходим критерий выбора R , который позволяет определять зависимость $H_{c2}(T)$ для сверхпроводника с разной дозой облучения. Для исходного образца (без облучения) критерий обычно соответствует выбору R как максимального значения сопротивления в области, где $R \sim H$ (режим течения потока вихрей). В наших экспериментах это соответствует уровню $R = 0.4R_N$. И именно такой критерий следует выбирать для определения $H_{c2}(T)$ при $n_D = 0$. Действительно, при таком определении получаем $\xi_0 = 1.5 \text{ nm}$, что согласуется с известными литературными данными (см., например, [24]). Определим теперь критерий для каждой из выбранных доз n_D . На рис. 7 представлена зависимость наклона dH/dT от безразмерного резистивного уровня для разных n_D . Заметим, что для $R < 0.4R_N$, зависимость dH/dT от уровня становится квазипостоянной для любой n_D . Из формулы (1) следует, что ξ_0 может быть экспериментально определена из зависимости $H_{c2}(T)$, как величина обратно пропорциональная корню произведения dH/dT и T_{c0} . Критическая температура T_{c0} понижается при увеличении дозы. Это означает, что для выполнения формулы (4) при постепенном увеличении n_D , наклон dH/dT должен возрастать. Следовательно, для корректного извлечения H_{c2} из экспериментальных кривых $R(H)$, необходимо повышать R при увеличении n_D . Так, например, для максимальной из проведенных доз $n_D = 7.3 \cdot 10^{12} \text{ cm}^{-2}$,

Рис. 7. Зависимость наклона dH/dT от нормированного сопротивления для разных доз облучения n_D .

этот уровень должен быть выбран вблизи онсета (начала сверхпроводящего перехода), т.е. при $R \rightarrow R_N$. Таким образом, несмотря на то, что при облучении образец приближается к грязному пределу, вихревая область (область низких сопротивлений) расширяется вплоть до $R \rightarrow R_N$.

Важно отметить, что для $R > 0.4R_N$, зависимости $dH/dT(R)$ оказываются монотонно возрастающими, достигая максимума при $R \rightarrow R_N$ (см. рис. 7). Однако, при постепенном увеличении дозы n_D , изменение $dH/dT(R)$ становится все менее существенным. Так, достигнув дозы $n_D = 7.3 \cdot 10^{12} \text{ cm}^{-2}$, видно, что зависимость $dH/dT(R)$ становится квазипостоянной. По нашим оценкам, образец справедливо описывать в рамках чистого предела, а значит $\xi_0(n_D) = \text{inv}$. Поэтому возникает вопрос о том, как будет выглядеть зависимость $dH/dT(R)$ для больших доз, когда условие (4) еще остается в силе, а критическая температура T_{c0} , вероятно, должна уменьшаться. Можно предположить, что, напротив, T_{c0} может перестать меняться при увеличении n_D , а зависимость $dH/dT(R)$ останется квазипостоянной. Это могло бы явиться подтверждением перехода из d -волновой фазы сверхпроводящего спаривания в s -волновую (см., например, [25]), что было частично нами исследовано экспериментально в [6]. Однако данное предположение требует проведения непосредственных транспортных измерений и будет выполнено нами в дальнейшем.

Для обнаружения нелинейных особенностей $H(T)$ вблизи T_{c0} , которые предсказывались в работе [21], мы предполагаем, что следует выбирать более умеренные дозы облучения $n_D \sim 10^{10} \text{ cm}^{-2}$, когда характерное расстояние между дефектными кластерами ΔL_c оказывается много больше их латерального размера L_c . Данные исследования будут проведены на новых аналогичных образцах, облученных соответствующими дозами ионов ксенона.

5. Заключение

В настоящей работе мы провели экспериментальное исследование тонких пленок ВТСП YBCO, облученных разными дозами ионов ксенона, и изучили критерий, который позволяет определить зависимость $H_{c2}(T)$ из экспериментальных данных $R(H, T)$. Кроме того, в работе найдены средняя длина свободного пробега и критическая температуры T_{c0} , а также температурные зависимости критических магнитных полей для разных доз облучения. Полученные линии фазового перехода могут представлять интерес для изучения влияния беспорядка на тип сверхпроводящего спаривания в ВТСП материалах. Кроме того, изученное воздействие ионного облучения на пленки YBCO важно и в сверхпроводниковой электронике — при создании дефектно-индуцированных слабых связей и для выяснения их физической природы.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А.С. Мельникову за многократное обсуждение результатов работы, В.И. Гавриленко за ценные советы при проведении исследований и В.К. Васильеву за техническую поддержку в проведении ионной имплантации.

Финансирование работы

Изготовление и исследование образцов выполнено в рамках научной программы Национального центра физики и математики (проект „Ядерная и радиационная физика“). Диагностика образцов до и после ионной имплантации выполнялись в лаборатории диагностики радиационных дефектов в твердотельных наноструктурах ИФМ РАН при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (г/з № 0030-2021-0030). В работе использовано оборудование ЦКП ИФМ РАН.

Конфликт интересов

Авторы заявляют, что у них нет конфликта интересов.

Список литературы

- [1] C. Yang, Y. Liu, Y. Wang, L. Feng, Q. He, J. Sun, Y. Tang, C. Wu, J. Xiong, W. Zhang, X. Lin, Y. Yao, H. Liu, G. Fernandes, J. Xu, James M. Valles Jr., J. Wang, Y. Li. *Science* **10.1126**, 5798 (2019).
- [2] A. Keles, A.V. Andreev, B.Z. Spivak, S.A. Kivelson. *JETP* **119**, 1109 (2014).
- [3] S.A. Kivelson, B. Spivak. *Phys. Rev. B* **92**, 184502 (2015).
- [4] M. Schiulaz, C.L. Baldwin, C.R. Laumann, B.Z. Spivak. *Phys. Rev. B* **98**, 094508 (2018).
- [5] A.V. Antonov, A.V. Ikonnikov, D.V. Masterov, A.N. Mikhailov, S.V. Morozov, Yu.N. Nozdrin, S.A. Pavlov, A.E. Parafin, D.I. Tetelbaum, S.S. Ustavsichikov, V.K. Vasiliev, P.A. Yunin, D.A. Savinov. *Physica C* **568**, 1353581 (2020).
- [6] А.В. Антонов, А.И. Елькина, В.К. Васильев, М.А. Галин, Д.В. Мастеров, А.Н. Михайлов, С.В. Морозов, С.А. Павлов, А.Е. Парафин, Д.И. Тетельбаум, С.С. Уставщиков, П.А. Юнин, Д.А. Савинов. *ФТТ* **62**, 1434 (2020).
- [7] А.А. Абрикосов. *ЖЭТФ* **32**, 1442 (1957).
- [8] S. Teknowijoyo, K. Cho, M.A. Tanatar, J. Gonzales, A.E. Böhrer, O. Cavani, V. Mishra, P.J. Hirschfeld, S.L. Bud'ko, P.C. Canfield, R. Prozorov. *Phys. Rev. B* **94**, 064521 (2016).
- [9] B. Maiorov, T. Katase, I.O. Usov, M. Weigand, L. Civale, H. Hiratsatsu, H. Hosono. *Phys. Rev. B* **86**, 094513 (2012).
- [10] N. Haberkorn, B. Maiorov, I.O. Usov, M. Weigand, W. Hirata, S. Miyasaka, S. Tajima, N. Chikumoto, K. Tanabe, L. Civale. *Phys. Rev. B* **85**, 014522 (2012).
- [11] W.-K. Kwok, U. Welp, A. Glatz, A. Koshelev, K. Kihlstrom, G. Grabtree. *Rep. Prog. Phys.* **79**, 116501 (2016).
- [12] M. Eisterer. *Supercond. Sci. Technol.* **31**, 013001 (2018).
- [13] R. Willa, A.E. Koshelev, I.A. Sadovskyy, A. Glatz. *Supercond. Sci. Technol.* **31**, 014001 (2018).
- [14] Roy Weinstein, Ravi-Persad Sawh, Drew Parks, Billy Mayes. *Nucl. Instrum. Meth. Phys. Res. B* **272**, 284 (2012).

- [15] R. Biswal, D. Behera, D. Kanjilal, P.V. Satyam, N.C. Mishra. *Physica C* **480**, 98 (2012).
- [16] W. Lang, M. Marksteiner, M.A. Bodea, K. Siraj, J.D. Pedarnig, R. Kolarova, P. Bauer, K. Haselgrubler, C. Hasenfuss, I. Beinik, C. Teichert. *Nucl. Instrum. Meth. Phys. Res. B* **272**, 300 (2012).
- [17] J.D. Pedarnig, M.A. Bodea, B. Steiger, W. Markowitsch, W. Lang. *Phys. Proc.* **36**, 508 (2012).
- [18] H. Matsui, T. Ootsuka, H. Ogiso, H. Yamasaki, M. Sohma, I. Yamaguchi, T. Kumagai, T. Manabe. *J. Appl. Phys.* **117**, 043911 (2015).
- [19] E. Helfand, N.R. Werthamer. *Phys. Rev. Lett.* **13**, 686 (1964).
- [20] В.К. Васильев, Д.С. Королев, С.А. Королев, Д.В. Мастеров, А.Н. Михайлов, А.И. Охапкин, С.А. Павлов, А.Е. Парафин, П.А. Юнин, Е.В. Скороходов, Д.И. Тетельбаум. *Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования* **4**, 1 (2016).
- [21] J.M. Valles, A.E. Jr. White, K.T. Short, R.C. Dynes, J.P. Garno, A.F.J. Levi, M. Anzlowar, K. Baldwin. *Phys. Rev. B* **39**, 11599 (1989).
- [22] J.F. Zeigler, J.P. Biersack, M.D. Zeigler. *The Stopping and Range of Ions in Matter (SRIM)*, USA Chester Maryland (2008).
- [23] A.A. Kopasov, D.A. Savinov, A.S. Mel'nikov. *Phys. Rev. B* **95**, 104520 (2017).
- [24] U. Welp, W.K. Kwok, G.W. Grabtree, K.G. Vandervoort, J.Z. Liu. *Phys. Rev. Lett.* **62**, 1908 (1989).
- [25] S.A. Kivelson, B. Spivak. *Phys. Rev. B* **92**, 184502 (2015).

Редактор Д.В. Жуманов